

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

П. Асперс, А. Дарр, С. Коль

Экономико-социологический взгляд на экономическую антропологию*

АСПЕРС Патрик (Aspers, Patrik) — научный сотрудник Института общественных исследований им. Макса Планка (Кёльн, Германия).

Email: aspers@mpifg.de

ДАРР Асаф (Darr, Asaf) — старший преподаватель и руководитель Группы по изучению организаций в Университете Хайфы (Хайфа, Израиль)¹.

Email: adarr@univ.haifa.ac.il

Статья представляет собой краткий обзор поля экономической антропологии с позиций экономической социологии. Авторы дают определение экономической антропологии, характеризуют её с точки зрения основных проблем и предметов изучения. Далее рассматриваются основные методологические споры внутри дисциплины и упоминаются наиболее значимые работы антропологов, связанные с экономическими темами. В заключение приводятся перспективы взаимодействия экономической антропологии и экономической социологии.

Ключевые слова: экономическая антропология; неопределённость; дарообмен; базарная экономика.

Эта небольшая статья является вводным обзором области экономической антропологии с точки зрения социологии. В следующих выпусках бюллетеня «Economic Sociology: The European Electronic Newsletter» мы рассмотрим и другие научные дисциплины, которые занимаются изучением хозяйства; ведь хозяйство было в центре внимания нескольких областей знаний, и, на наш взгляд, существует множество возможностей их взаимного обогащения. Принимая во внимание огромное количество научных работ о хозяйстве и обществе, мы ставим перед собой скромную цель: представить основы экономической антропологии, выделить некоторые из основных дискуссий внутри этой области и обрисовать несколько плодотворных точек соприкосновения экономической социологии и антропологии.

В интерпретации экономической антропологии мы будем руководствоваться социологической системой значений. Иначе говоря, мы как внешние наблюдатели можем установить связь и согласованность там, где «аборигены» («natives») на самом деле видят напряжённость и разногласия (*tensions*). При этом надо заметить, что наша работа — не более чем введение к большему начинанию. Текст написан для читателей совсем не знакомых или лишь в общих чертах знакомых с антропологическими идеями и начинается с короткого вступления о том, что такое антропология.

* Источник: Aspers P., Darr A., Kohl S. 2007. An Economic Sociological Look at Economic Anthropology. The European Electronic Newsletter «Economic Sociology». 9(1): 3–10. URL: http://econsoc.mpihg.de/archive/econ_soc_09-1.pdf

¹ Автор книги «Selling Technology: The Changing Shape of Sales in an Information Economy» («Продавая технологию: изменяющаяся форма продаж в информационной экономике»), выпущенной в 2006 г. издательством Cornell University Press. — *Примеч. авторов.*

КОЛЬ Себастиан

(Kohl, Sebastian) — научный ассистент Института общественных исследований им. Макса Планка (Кёльн, Германия).

Email: kohl@mpifg.de

Перевод с англ.
Алисы Максимовой

Антропология и экономическая антропология

Антропологию можно определить в самом широком смысле как науку о человеке. То, что называется антропологией, в некоторых случаях именуется социальной антропологией (в Великобритании), культурной антропологией (в США) или этнологией (в Германии). Это понятие так широко, что включает естественнонаучное направление эволюции человечества, а также археологию (например, физическая антропология в США). Среди антропологов, как и среди социологов, можно выделить тех, кто акцентирует внимание на социальной структуре или социальных институтах². Другие направления в антропологии фокусируются на культурных формах, отдавая приоритет символическому выражению и интерпретации культур. Социальная и культурная антропология как понятия в некоторой степени отражают соответствующее различие между структуралистским и интерпретативистским анализами.

Антропология зародилась как наука о так называемых примитивных обществах, в отличие от социологии и экономики, чьё возникновение напрямую связано с развитием современных обществ. Для внешнего наблюдателя антропология также характеризуется особыми методами исследования. Так, длительная полевая работа, предполагающая прямое и включённое наблюдение, и освоение языка объекта изучения стали определяющими чертами данной дисциплины. Теоретические вопросы и методы исследования часто оказывают влияние друг на друга, так что может показаться немного неожиданным, что антропологов интересует не столько то, что люди говорят, сколько то, что они делают.

Экономическая антропология является специальным разделом антропологии. Но в чём заключается её особенность? Один из способов дать ответ на поставленный вопрос — это очертить круг теоретических проблем. Ключевым вопросом как для экономической антропологии, так и для экономической социологии оказывается определение того, что такое хозяйство. Социология с её традициями, идущими от модернизации и дифференциации жизненных сфер [Weber 1946], представляет хозяйство скорее как автономную сферу, являющуюся частью большего целого, и, следовательно, рассматривает экономические действия как укоренённые в социальных процессах и институтах [Granovetter 1985]. В экономической антропологии эта укоренённость скорее служит отправной точкой для аналитического рассуждения. Таким образом, предмет дисциплины может быть в самом широком смысле определён как хозяйственная жизнь, то есть все виды человеческой деятельности, связанные с производством, обменом и потреблением [Carrier 2005]. Говоря более конкретно, обычно данная область занимается такими темами, как человеческая природа, методологические проблемы, различные формы обмена (*circulation*) (обмен товарами, бартер, дар), потребление, деньги, конституирование культурных ценностей и т. д.

² Любопытно, что некоторые считают, будто современная сетевая теория в социологии частично произошла из классической антропологии. — *Примеч. авторов.*

Возникновение современной экономической антропологии

Область экономической антропологии сформировалась отчасти через благотворное взаимодействие с другими областями, которые также занимались изучением хозяйства, прежде всего с экономикой. Это влияние очевидно в работах Б. Малиновского, родоначальника современной экономической антропологии и, можно сказать, антропологии в целом. Его классическое исследование [Malinowski 1922], проведённое на территории сегодняшней Папуа Новой Гвинеи, является ключевым для каждого, кто хочет разобраться в том, как устроено хозяйство в традиционных обществах. Малиновский отсылает к понятиям, разработанным в экономической теории, например, к понятию рынка, и показывает, как переплетены жизненные условия и экономические трансакции, обращая внимание на то, что они не могут быть проанализированы отдельно друг от друга. Работы этого учёного важны ещё и потому, что он рассматривает такие базовые категории, как время, собственность и социальные отношения, являющиеся центральными в социологии, в частности для понимания примитивного хозяйства. Помимо этого, работы Малиновского оказали глубокое влияние на методологическую связь антропологии и полевой работы.

Марсель Мосс — другой родоначальник экономической антропологии, автор влиятельного исследования дарообмена (*gifts*), впервые опубликованного в 1925 г., в основу которого, однако, были положены вторичные данные, а не материалы экспедиции [Mauss 2002]. Мосс противопоставил обмен товарами и дарообмен и выявил имплицитную связь капиталистических обществ и товарного обмена и доиндустриальных обществ и дарообмена (см. обзор: [Bird-David 1997]). Мосс также показал, как дарообмен производит и воспроизводит социальные отношения и статусы среди дарителей и получателей даров.

Второй этап развития экономической социологии продолжался с конца Второй мировой войны до середины 1970-х годов. Этот период характеризуется методологическим спором между эмпирически и социологически ориентированными школами, представленными К. Поланьи [Polanyi 1957a; 1957b] и Дж. Долтоном [Dalton 1969], и более формальной и абстрактной антропологией, чьи интересы выражает работа Херсковица [Herskovitz 1965]. Этот спор разворачивается между субстантивистами, которые утверждают, что экономическая антропология должна изучать то, как люди выживают и соотносятся со своей окружающей средой, и формалистами, настаивающими на том, что по крайней мере упрощённая (*soft*) версия экономического моделирования может быть применена к досовременным обществам. Разногласия между школами зачастую оказываются заметным тогда, когда формалисты утверждают, что результаты их исследований претендуют на универсальную применимость — цель, которую большинство субстантивистов отвергают. Между лагерями не происходит конструктивного обмена идеями, что, вероятно, объясняет продолжительность и низкую результативность интеллектуального противостояния.

Споры между субстантивистами и формалистами должны рассматриваться в соотнесении с мировыми процессами модернизации. Глобальная модернизация означала, что антропологам следует пересмотреть свой теоретический аппарат. Антропология возникла в рамках колониальных систем, иногда её считали дисциплиной, представляющей интересы этих систем. Кроме того, антропология когда-то служила средством осмысления огромных разрывов между развивающимися странами в постколониальную эру. Поиск теоретических объяснений происходящего процесса модернизации также был основанием для преодоления принятого в ранних этнографических исследованиях принципа изучения отдельных случаев.

Многие антропологические исследования обращались к изучению перехода от традиционной формы общества к более современной [Dalton 1969: 64]. Некоторые из исследований проводились с целью выработки политических ориентиров [Wilk, Cliggett 2007: 15]. На этой стадии экономантропологи со-

средоточили внимание на изучении развивающихся экономик и их связи с развитым миром, что впоследствии стало главной идеей, которая легла в основу анализа мировых отношений.

В ответ на превращение международных зависимостей между людьми и странами в очевидные политические стратегии (*approaches*) была выдвинута миросистемная теория [Wallerstein 1974], находящаяся под влиянием марксизма. В 1970-х годах несколько французских марксистов «открыли» поле антропологии и указали на то, что досовременные общества, отношения производства и их развитие можно рассматривать с позиции марксистской теории [Meillassoux 1972; Godelier 1973].

С середины 1980-х годов антропологи начали изучать общества, к которым они принадлежат сами. Тематический фокус недавних антропологических исследований, наподобие социологических, — это современное западное общество, различные его институты и культурная среда (*landscape*). В последние десятилетия многие антропологи придают большое значение глобализации, что, с методологической точки зрения, означало более разносторонний подход к исследованиям [Marcus 1995].

Экономико-антропологическая модель Гудмана описывает мировую экономику в терминах двух сосуществующих сфер [Gudeman 2001]. Одной из них, называемой «сообщество», присущи общеразделяемые ценности и тесные социальные отношения, другая — абстрактная и отдалённая рыночная сфера, в которой преобладает формальный расчёт. Таким образом, данный подход не только преодолевает дуализм между субстантивизмом и формализмом, но также применим практически ко всем обществам, которые можно описать конкретной констелляцией двух указанных сфер. Другим примером современного подхода в поле антропологии является идея материальности, предложенная Миллером, который изучает то, как артефакты встроены в специфический культурный контекст [Miller 1987]. Научному рассмотрению антропологов подвергаются и другие феномены современности; здесь следует отметить исследование японских рекламных агентств Брайана Морана [Moeran 1996] и работу Кита Харта, посвящённую деньгам [Hart 2000].

Основные теоретические споры в экономической антропологии

В развитии экономико-антропологической теории важная дискуссия велась между формалистами и субстантивистами; о ней упоминалось выше. Лидером лагеря субстантивистов был Карл Поланьи, «венгерский юрист, ставший впоследствии журналистом и экономическим историком» [Isaac 2005:14], который, тем не менее, занял ключевое место в экономической антропологии. Поланьи обратил наше внимание на два различных значения понятия хозяйства [Polanyi 1957b]. Субстантивисты рассматривают хозяйство как материальную реальность, где человек, чтобы выжить, зависит от природы и окружающих его людей, поэтому и существует взаимный обмен между членами общества. Формалисты, напротив, воспринимают хозяйство через абстрактную модель реальности, в которой человек представляется как *Homo economicus*, использующий логику количественного соотношения средств и целей для совершения рационального выбора. В то время как субстантивистское определение предполагает выведение целостных систем интерпретативных объяснений из конкретного эмпирического исследования, отправной точкой формалистов служит универсальное допущение об индивиде, действующем рационально ввиду ограниченности средств, и соответственно — анализ объективных данных.

На экономическую антропологию оказали влияние два важных течения в социальных науках: «культурный поворот» (*cultural turn*), представленный Клиффордом Гирцем, и «практический поворот» (*practice turn*), представленный Пьером Бурдьё, хотя последний и считается социологом из-за его поздних работ. В 1960-х годах Гирц начал разрабатывать интерпретативный символический подход, в центре которого лежит выделение культуры как системы смыслов, то есть совокупности коллективного опыта, который создает смыслы. В то время как обыденное знание и смыслы обеспечивают ориентацию

в ритуалах и повседневных взаимосвязях, наука или религия выступает в качестве конструкторов второго порядка, интерпретирующих обыденное знание действующих. Становление Гирца как антрополога происходило во время экспедиций в Индонезию [Geertz 1963]. Позднее его известное исследование базарной экономики в Марокко послужило существенным вкладом в насыщенное описание рынка, глубоко укоренённого в культурных и социальных институтах и процессах [Geertz 1978; 1979]. В своих работах, посвященных базарной экономике, Гирц ведёт умелый и плодотворный диалог с экономической теорией информации, изучая различные типы неопределённости и асимметрии информации, которые наводят (*plague*) базар. Он указывает на механизмы (такие, как торг с его специфическими правилами или клиентелизация), которые существуют специально для преодоления местной рыночной неопределённости.

Пьер Бурдьё начал антропологическую карьеру, проводя полевое исследование во французском Алжире. Там он и начал свои разработки в области теории практики и связанные с ней этнографические методы [Bourdieu 1990]³. Опыт и результаты, полученные в Алжире, Бурдьё применил при исследовании французского общества [Bourdieu 1982]. Он рассматривает социально конструируемые поля через призму разных видов капитала (например, культурного капитала). Учёный предлагает концепцию, которая способна описать как докапиталистические, так и современные общества, различающиеся преимущественно структурным соотношением видов капиталов и степенью их централизации. В своём парадигмальном тексте по поводу экономической антропологии Бурдьё вместо экономистского и интеракционистского понимания экономики вводит понятие поля, которое формируется поведением акторов, символическими конструкциями и социальными институтами. Бурдьё заимствовал термин «капитал» у экономистов [Boyer 2003], однако расширил это понятие, рассмотрев его через культурный и эстетический аспекты. Трактую экономику в широком смысле, Бурдьё искусно объяснил «перевёрнутую» экономику искусства, где бедность является добродетелью: в некоторых областях хозяйства, таких как экономика искусства, человек может признаваться успешным, если он лишён экономического капитала, но обладает высоким уровнем капитала символического [Bourdieu 1993; 1996].

Плодотворные точки соприкосновения между экономической антропологией и социологией

Чему экономическая социология может научиться от родственной (*sister*) экономической антропологии? Конечно, самый простой ответ: многому — и это очевидно при знакомстве с экономико-антропологической литературой. В дополнение к тому, о чём уже говорилось, можно перечислить шесть направлений, при разработке которых экономсоциологам пойдёт на пользу интеллектуальное взаимодействие с экономической антропологией: асимметрия информации; неопределённость; доверие; понятие экономического актора; экономика и рынки, не испытывающие на себе влияния государства; модели обмена в рамках развитых индустриальных обществ и рынков.

Структурная концепция неопределённости была введена в поле социологии из экономической теории при попытках применить теорию рыночного обмена к изучению иерархических структур и их соответствующих сред (*respective environments*) [Simon 1957]. Неопределённость обычно представлена в исследованиях организаций как заданный структурный элемент среды, которую организации должны стремиться снизить, разрабатывая упорядоченную совокупность стратегий. В рамках школы ресурсной зависимости такие стратегии включают буферизацию (*buffering*) и соединение (*bridging*) [Pfeffer,

³ Авторы данного эссе делают отсылку к более позднему английскому переводу книги «Практический смысл» (*The Logic of Practice*), хотя впервые эта книга вышла на французском языке в 1980 г. (Bourdieu P. 1980. *Le Sens pratique*. P.: Minuit), а пионерской работой П. Бурдьё в области теории практики считается «Эскиз теории практики» (Bourdieu P. 1972. *Esquisse d'une théorie de la pratique: précédée de trois études d'ethnologie kabyle*. Genève: Droz), опубликованный в 1972 г. — Примеч. перев.

Salancik 1978]. Другой распространённой стратегией организаций, сталкивающихся с неопределённостью, является осуществление обмена внутри иерархии, а не внутри рынков [Williamson 1985]. В то время как понятие неопределённости является центральным в исследованиях организаций и экономической социологии, его теоретические основания остаются недостаточно проработанными [Milliken 1987]. Возможное решение этой проблемы — обращение к работам по экономической антропологии. В действительности, в экономической антропологии существует давняя традиция изучения ремесленных рынков (*craft markets*) в доиндустриальных и развитых обществах [Firth 1939; Epstein 1962; Geertz 1978]. Согласно некоторым из работ продавца на этих рынках обладают сокровенным знанием о качестве продукта, его происхождении и себестоимости, чем, однако, они не стремятся поделиться с покупателем. Эта асимметрия в распределении знания, если использовать терминологию экономической теории информации, ведёт к тому, что покупатели, пытаясь преодолеть неопределённость, связанную с продуктом, вовлекаются в интенсивный поиск подробных сведений о продукте, выступающем предметом обмена. Есть свидетельства взаимного обогащения экономической теории информации и экономической антропологии (например, см. работы Акерлофа «The Market for Lemons» («Рынок лимонов») [Akerlof 1970] и Гирца «The Bazaar Economy» («Базарная экономика») [Geertz 1978]). Детализированные описания локальных рыночных механизмов, предназначенных для сокращения рыночной неопределённости, повлияли на некоторых социологов, в частности на тех из них, кто писал о рынках и доверии (см. работы Д. Гамбетты о сицилийском лошадином рынке [Gambetta 1993] и Л. Цукер об институционализации доверия [Zucker 1986]). На диалоге теории трансакционных издержек и экономики информации, со ссылкой на экономическую антропологию, основывается литература, посвящённая рыночной неопределённости и межорганизационным отношениям [Podolny 1994], а также различие Уцци [Uzzi 1997] между сделками, совершаемыми по рыночным принципам (*arm's length*), и укоренёнными социальными связями. Книга Смита об аукционах является ещё одним примером плодотворного взаимодействия экономсоциологов и антропологов по поводу проблем неопределённости и доверия [Smith 1990].

Социологи подхватили структуралистские идеи Бурдьё, но, видимо, не до конца разглядели в его трудах классические антропологические аспекты, то, что он писал о деятельности (*agency*), действии (*action*) и людях. Мы утверждаем, что его комментарии по поводу времени и экономического габитуса могут стать вкладом в развитие более совершенного описания экономического действия. Нужно учитывать, что антропологическая теория действия изначально опирается на более разностороннее понимание человека. Социология и экономическая теория в разной степени (впрочем, в обоих случаях априорно) исключили такое важное измерение действия, как время и практическое мышление (*practical reasoning*). Бурдьё ясно выражает эту идею: «*Homo economicus*, как он представляется (имплицитно или эксплицитно) в ортодоксальной экономической теории (*economic orthodoxy*), — это своего рода антропологический монстр: такой теоретически мыслящий человек практики является предельной персонификацией схоластического заблуждения... когда учёный помещает в голову объектов изучения... теоретические предпосылки и конструкции, которые ему пришлось разработать для объяснения их практик» [Bourdieu 2005:83].

То же можно узнать из исследований обществ без государства, осуществлённых в рамках экономической антропологии. Из этих исследований мы можем почерпнуть информацию, например, о неформальных экономиках и необходимых институтах и условиях, отличающихся от тех, что созданы государством. Социология всегда была связана с государством, а в некоторых странах, например Скандинавских, её происхождение напрямую соотносится с политическими вопросами, возникающими в ходе формирования государства благосостояния. Антропология же занималась изучением социальной жизни, координируемой в отсутствие государства. Это интересно не только с эмпирической точки зрения, но и с теоретической. Насколько, скажем, государство важно для экономики и существования рынков? Пересмотр предпосылок, который требуется в данном случае, способствует обновлению и потенциально полезен для продвижения нашего понимания экономики.

Наконец, в более поздних исследованиях экономантропологи поставили под сомнение наличие имплицитной связи между капиталистическими обществами и формой товара, а также между доиндустриальными обществами и формой дара — связи, которая была ключевой в классической работе Марселя Мосса «*The Gift*» («О даре») [Mauss 2002]. Здесь мы хотели бы указать на работу Джеймса Каррьеера, в которой представлен критический разбор этой связи [Carrier 1995]. Каррьер утверждает, что связь между капиталистическими обществами и формой товара имеет идеологический характер, из-за чего в развитых экономиках рынок натурализуется и превращается в нечто неотъемлемое и значимое (*naturalizes and essentializes*); тот же характер связи не позволяет увидеть политическую природу и социальную укоренённость этих рынков. В недавних исследованиях фокус делается на разных формах обмена, таких как товарный обмен, бартер и дарообмен, которые существуют в развитых экономиках (см.: [Humphrey, Hugh-Jones 1992]), и даже на переходе одной категории в другую в ходе экономических сделок. Например, учёные описали то, как в дополнение к формальным экономическим объяснениям сети дарения могут частично объяснить стабильный экономический рост Китая с конца 1970-х годов [Smart 1998: 559–560]. В центре внимания исследователей находятся создание и поддержание межличностных сетей (*guanxi*) в Китае [Yan 1996; Kipnis 1997], а также между китайскими эмигрантами и местными предпринимателями [Smart 1998], то есть процессы, которые способствуют масштабному инвестированию гонконгских и других китайских предпринимателей в свою страну. Дарообмен в развитых экономиках возникает даже в таком удивительном контексте, как распространение открытого программного обеспечения [Berquist, Ljungberg 2001].

Геррман в своем анализе так называемых гаражных распродаж (*garage sales*)⁴ в США показывает, как формы обмена могут колебаться между даром и товаром в зависимости от конкретного социального контекста и социальных отношений между продавцами и покупателями [Hertman 1997]. Гаражные распродажи конструируются продавцами и покупателями как рыночный обмен, однако они часто напоминают дарообмен, включающий иногда продажу личных вещей по крайне низким ценам, либо их бесплатную раздачу.

Растущий объём литературы, посвящённой различным формам обмена в развитых экономиках, может принести пользу экономсоциологам, которые стремятся, как предлагает Каллон, перейти от изучения рынка (*market*) к изучению рынка как места (*marketplace*) [Callon 1998]. Первый термин относится к области теоретических знаний и практик и представляет абстрактную модель, в которой «предложение и спрос сталкиваются друг с другом и приспособляются в поисках компромисса» [Callon 1998: 1]. Второй термин связан с практической деятельностью (*practical activity*) социальных агентов в месте, где совершаются торговые сделки. Мы придерживаемся мнения, что экономсоциологам следует больше уделять внимания рынку как месту при изучении развитых экономик. В целом, в свете прошлых и современных экономико-антропологических дискуссий ясно, что антропологи твёрдо уверены в существовании различия между рынками, возникшими исторически, и рынками, созданными относительно недавно, что является поводом для обсуждения перформативности. Таким образом, более тесное сотрудничество социологов и антропологов в работе над центральным институтом рынков, по всей вероятности, было бы чрезвычайно полезным для всех.

Социологические размышления об антропологии

Этот краткий и в силу обстоятельств неполный обзор, тем не менее, содержит несколько предложений по поводу отношения экономической антропологии и экономической социологии. Уже стало понятно, что на пересечении исследований науки и техники (*Science and Technology Studies*) и социальных ис-

⁴ Под гаражной распродажей подразумевается мероприятие, устраиваемое людьми на неформальной и нерегулярной основе, для распродажи ненужных и использованных личных вещей; см.: URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Garage_sale — Примеч. перев.

следований финансов (см., например: [MacKenzie, Muinesa, Siu 2007]) можно найти основание для сотрудничества антропологов и социологов. Но, как отметила Карин Кнорп-Цетина в работе, опубликованной в одном из выпусков бюллетеня «Economic Sociology: The European Electronic Newsletter»⁵, социология финансов проживала жизнь, отличную от жизни экономической социологии (ср.: [MacKenzie 2006]). Одна из причин, по которым экономическая социология и экономическая антропология до сих пор находились на расстоянии друг от друга, возможно, является методологической: антропология использует этнографические методы, в то время как экономическая социология методологически более разнообразна.

Для антропологии с её накопленными доказательствами вариативности форм социальной жизни обществ во времени и пространстве выработка обобщений как методом индукции, так и методом дедукции, является сложной задачей [Carrieg 2005: 3]. Существует риск, что исследователи утонут в море эмпирических данных. Поэтому некоторые антропологи, например Рэдклифф-Браун, пришли к выводу, что дисциплина должна развиваться в ключе сравнительного анализа, направленного на поиск более общих утверждений. Следовательно, критическое значение приобретает ключевой вопрос о дистанцировании (*distance*) в теоретизировании, то есть вопрос о том, на каком уровне нужно разрабатывать теорию. Проблема при этом заключается в том, что если теория слишком приземлена (*too grounded*), она больше не является теорией, но представляет собой просто насыщенное описание. Мы полагаем, что антропология может научиться у социологии тому, как следует решать вопрос отношения теории и данных; например, путём создания теорий среднего уровня.

Более того, существует мнение, что современная антропология, в том числе и экономическая, является вымирающей наукой [Kumoll 2005]; в качестве аргументов приводятся три фундаментальные проблемы. Первая из них заключается в том, что понимание культур и людей, как писал Малиновский, с точки зрения аборигена [Malinowski 1922] всегда предполагает культурно предвзятого наблюдателя, чьи субъективные записи зачастую говорят больше о социокультурном бэкграунде исследователя, нежели об объекте исследования. Вторая проблема связана с моральной ответственностью науки: в прошлом антропологию обвиняли в том, что она высказывается в поддержку вызывающих сомнения колониальных и постколониальных систем. Третья проблема вызвана изменением объекта науки, которым когда-то была культурно и этнически чётко очерченная группа, привязанная к определённому миру смыслов и географическому местоположению. Рост числа междисциплинарных контактов и расширение взаимозависимости требуют пересмотра идеи антропологии с точки зрения того, что такое поле.

Итак, нет сомнений в том, что современные экономическая социология и экономическая антропология имеют много общего. Для качественно ориентированных социологов в особенности не составит трудности обратиться к антропологической литературе. Однако не стоит недооценивать различия между двумя дисциплинами. Антропологи зачастую шире смотрят на социальных агентов и помещают их действия в более широкий контекст. То же самое можно сказать об их взгляде на экономику. Тем не менее мы надеемся, что наряду с тем, что на первом этапе взаимодействие с экономической антропологией уже оказалось плодотворным, оно может и должно быть развито для пользы обеих дисциплин.

Рекомендуемая литература

Для тех, кто заинтересован в более глубоком знакомстве с основными работами в области экономической антропологии, мы предлагаем ряд классических текстов. Прежде всего стоит назвать труды Б. Малиновского: книгу «*Argonauts of the Western Pacific*» («Аргонавты западной части Тихого океана»)

⁵ См.: Knorr Cetina K. 2007. Economic Sociology and the Sociology of Finance. *Economic Sociology: the European Electronic Newsletter*. 8 (3): 4–10. — Примеч. перев.

[Malinowski 1922] или, для менее терпеливого читателя, два других небольших текста [Malinowski 1920; 1921]. Можно включить в список работы К. Поланьи (например: [Polanyi 1957b]), хотя он был историком экономики и обычно известен социологам. Книга Мосса о даре также составляет важное основополагающее чтение. Кроме того, мы настоятельно рекомендуем ознакомиться с обзорной статьёй Джорджа Долтона [Dalton 1969], поскольку она содержит комментарии 23 антропологов, дающие читателю отличное представление о том, как рассуждают эти учёные. Наконец, полезна для чтения недавно изданная под редакцией Джеймса Карьера «A Handbook of Economic Anthropology» («Хрестоматия по экономической антропологии») [Carrier 2005], предоставляющая читателю довольно полную картину данной научной дисциплины, несмотря на то что тексты в ней менее полные по сравнению с хрестоматией по экономической социологии Смелсера и Сведберга⁶. Учебник Уилка и Клиггетт [Wilk, Cliggett 2007] можно использовать на занятиях, он послужит хорошим введением к курсу, а кроме того, содержит приложение, включающее обширную библиографию по экономической антропологии.

Ключевые персоналии

Малиновский Бронислав (Malinowski Bronislaw) (1884–1942)

Мосс Марсель (Mauss Marcel) (1872–1950)

Поланьи Карл (Polanyi Karl) (1886–1964)

Фёрт Раймонд (Firth Raymond) (1901–2002)

Гириц Клиффорд (Geertz Clifford) (1926–2006)

Харт Кит (Hart Keith) (р. 1943)

Платтнер Стюарт (Plattner Stuart) (р. 1939)

Бурдьё Пьер (Bourdieu Pierre) (1930–2002)

Ключевые организации и их сайты

Ассоциация экономической антропологии (Association for Economic Anthropology); URL: <https://sea-wiki.wikidot.com/>

Социоантропология (Socio-Anthropologie); URL: <http://socio-anthropologie.revues.org/>

Литература

Akerlof G. A. 1970. The Market for Lemons: Quality Uncertainty and the Market Mechanism. *The Quarterly Journal of Economics*. 84: 488–500.

Azarian R. 2003. *The General Sociology of Harrison White*. Stockholm: Department of Sociology, Stockholm University.

Bergquist M., Ljungberg J. 2001. The Power of Gifts: Organizing Social Relationships in Open Source Communities. *Information Systems Journal*. 11: 305–320.

Bird-David N. 1997. Economies: A Cultural-Economic Perspective. *International Social Science Journal*. 154: 463–475.

Bourdieu P. 1982. *Die Feinen Unterschiede*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.

⁶ См.: Smelser N., Swedberg R. (eds). 2005. *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton: Princeton University Press. — Примеч. ред.

- Bourdieu P. 1990. *The Logic of Practice*. Cambridge: Polity Press.
- Bourdieu P. 1993. *The Fields of Cultural Production, Essays on Art and Literature*. Oxford: Polity Press.
- Bourdieu P. 1996. *The Rules of Art, Genesis and Structure of the Literary Field*. Stanford: Stanford University Press.
- Bourdieu P. 2000. *Les Structures Sociales de l'Economie*. Paris: Le Seuil.
- Bourdieu P. 2005. Principles of an Economic Anthropology. In: Smelser N., Swedberg R. (eds). *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton: Princeton University Press; 75–89.
- Boyer R. 2003. L'Anthropologie Economique de Pierre Bourdieu. *Actes de la Recherche en Sciences Sociales*. 150: 65–78.
- Callon M. (ed.) 1998. *The Laws of the Market*. Oxford: Blackwell Publishers.
- Carrier J. 1995. *Gifts and Commodities: Exchange and Western Capitalism since 1700*. London: Routledge.
- Carrier J. 2005. Introduction. In: Carrier J. (ed.): *A Handbook of Economic Anthropology*. Celtenham: Edward Elgar; 1–9.
- Dalton G. 1969. Theoretical Issues in Economic Anthropology. *Current Anthropology*. 10: 63–102.
- Epstein T. S. 1962. *Economic Development and Social Change in South India*. Manchester: Manchester University Press.
- Firth R. W. 1939. *Primitive Polynesian Economy*. London: Routledge.
- Gambetta D. 1993. *The Sicilian Mafia: The Business of Private Protection*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Geertz C. 1963. *Peddlers and Princes, Social Change and Economic Modernization in Two Indonesian Towns*. Chicago: Chicago University Press.
- Geertz C. 1978. The Bazaar Economy: Information and Search in Peasant Marketing. *The American Economic Review*. 68: 25–37. См.: Гирц К. 2009. Базарная экономика: информация и поиск в крестьянском маркетинге. *Экономическая социология*. 10 (2): 54–62. URL: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2009-10-2/index.html>
- Geertz C. 1979. Suq: The Bazaar Economy in Sefrou. In: Rosen L. (ed.) *Meaning and Order in Moroccan Society*. Cambridge: Cambridge University Press; 123–225.
- Godelier M. 1973. *Ökonomische Anthropologie. Untersuchungen zum Begriff der sozialen Struktur primitiver Gesellschaften*. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag GmbH.
- Granovetter M. 1985. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness. *American Journal of Sociology*. 91: 481–510. См.: Грановеттер М. 2002. Экономическое действие и социальная структура: проблема укоренённости. *Экономическая социология*. 3 (3): 44–58. URL: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2002-3-3/index.html>

- Gudeman S. 2001. *The Anthropology of Economy*. Malden; Oxford: Blackwell Publishing.
- Hart K. 2000. *The Memory Bank, Money in an Unequal World*. London: Profile Books.
- Herrmann G. 1997. Gift or Commodity: What changes hand in the U.S. Garage Sale? *American Ethnologist*. 24(1): 910–930.
- Herskovits M. J. 1965. *Economic Anthropology*. New York: W. W. Norton and Company, Inc.
- Humphrey C., Hugh-Jones S. 1992. *Barter, Exchange and Value. An Anthropological Approach*. Cambridge University Press.
- Isaac B. 2005. Karl Polanyi. In: Carrier J. (ed.). *Handbook of Economic Anthropology*. Cheltenham: Edward Elgar; 14–25.
- Kipnis B. A. 1997. *Producing Guanxi: Sentiment, Self, and Subculture in North China Village*. Durham; London: Duke University Press.
- Kumoll K. 2005. *From the Native's Point of View? Kulturelle Globalisierung nach Clifford Geertz und Pierre Bourdieu*. Bielefeld: Transcript Verlag.
- MacKenzie D. 2006. *An Engine, Not a Camera, How Financial Models Shape Markets*. Cambridge: Cambridge University Press.
- MacKenzie D., Muniesa F., Siu L. (eds.) 2007. *Do Economics Make Markets, On the Performativity of Economics*. Princeton: Princeton University Press.
- Malinowski B. 1920. Kula; the Circulating Exchange of Valuables in the Archipelagoes of Eastern New Guinea. *Man*. 20: 97–105.
- Malinowski B. 1921. The Primitive Economics of the Trobriand Islanders. *The Economic Journal*. 31: 1–16.
- Malinowski B. 1922. *Argonauts of the Western Pacific. An Account of Native Enterprise and Adventure in the Archipelagoes of Melanesian New Guinea*. London: Routledge.
- Marcus G. 1995. Ethnography In/Of the World System: The Emergence of Multi-Sited Ethnography. *Annual Review of Anthropology*. 24: 95–117.
- Mauss M. 2002. *The Gift: The Form and Reason for Exchange in Archaic Societies*. London: Routledge.
- Meillassoux C. 1972. From Reproduction to Production. *Economy and Society*. 1: 93–105.
- Miller D. 1987. *Material Culture and Mass Consumption*. Oxford: Basil Blackwell Inc.
- Milliken F. J. 1987. Three Types of Perceived Uncertainty about the Environment: State, Effect, and Response Uncertainty. *Academy of Management Review*. 12 (1): 133–143.
- Moeran B. 1996. *A Japanese Advertising Agency, An Anthropology of Media and Markets*. Honolulu: University of Hawai'i Press.

- Pfeffer J., Salancik G. R. 1978. *The External Control of Organizations*. New York: Harper & Row Pub.
- Podolny J. M. 1994. Market Uncertainty and the Social Character of Economic Exchange. *Administrative Science Quarterly*. 39: 458–483.
- Polanyi K. 1957a. The Economy as Instituted Process. In: Polanyi K., Arensberg C., Pearson H. (eds). *Trade and Market in the Early Empires, Economies in History and Theory*. New York: The Free Press; 12–26.
См.: Поланьи К. 2002. Экономика как институционально оформленный процесс. *Экономическая социология*. 3 (2): 62–73. URL: <http://ecsoc.hse.ru/issues/2002-3-2/index.html>
- Polanyi K. 1957b. *The Great Transformation*. Boston: Beacon.
- Simon H. A. 1957. *Administrative Behavior*. New York: Macmillan.
- Smart A. 1998. Guanxi, Gifts, and Learning from China: A Review Essay. *Anthropos*. 93: 559–565.
- Smith W. C. 1990. *Auctions: The Social Construction of Value*. Berkeley; Los Angeles: University of California Press.
- Uzzi B. 1997. Social Structure and Competition in Interfirm Networks: The Paradox of Embeddedness. *Administrative Science Quarterly*. 42: 37–69. См.: Уцци Б. 2007. Источники и последствия укоренённости для экономической эффективности организаций: влияние сетей. *Экономическая социология*. 8 (3): 44–60; 8 (4): 43–59. URL: <http://ecsoc.hse.ru/topics/translations/page1.html>
- Wallerstein I. 1974. *The Modern World-System. I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. New York; London: Academic Press.
- Weber M. 1946. Essays in Sociology. In: Gerth H., Mills Wright Ch. (eds). *From Max Weber: Essays in Sociology*. London: Routledge. URL: http://www.amazon.com/Max-Weber-Essays-Sociology/dp/0195004620#reader_0195004620
- Weber M. 1978. *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: University of California Press.
- Wilk R., Cligget L. 2007. *Economies and Cultures, Foundations of Economic Anthropology*. Boulder: Westview Press.
- Williamson O. E. 1985. *The Economic Institutions of Capitalism*. New York: Free Press.
- Yan Y. 1996. *The Flow of Gifts: Reciprocity and Social Networks in a Chinese Village*. Stanford: Stanford University Press.
- Zucker L. G. 1986. Production of Trust: Institutional Sources of Economic Structure, 1840–1920. *Research in Organizational Behavior*. 8: 53–111.